

Вопросы марийской диалектологии, Йошкар-Ола 1981. 189. с.

Изучение диалектных особенностей, расхождений, существующих в марийском языке, на современном этапе является, пожалуй, задачей первостепенной важности. Это объясняется заметными изменениями в марийском языке вследствие иноязычного влияния (особенно в языке молодого поколения). Решению поставленной задачи в некоторой степени способствует и рецензируемый сборник статей, содержащих много новых фактических материалов, а также теоретическую разработку отдельных языковых явлений.

Во вступительной статье Н. И. Исанбаева «Основные итоги деятельности сектора языка за пятьдесят лет» (с. 5—31) рассматривается деятельность сектора языка за пятьдесят лет (1930—1980 гг.) со дня образования Марийского научно-исследовательского института, дается критическая оценка проделанному, ставятся задачи на ближайшее будущее. Красной нитью проходит мысль о том, что вопросы изучения территориальных диалектов родного языка всегда стояли в центре научной деятельности сектора. Особенно большая работа по исследованию диалектов и говоров родного языка проведена в послевоенный период, начиная с 1952 г. Диалектологические исследования принимают форму монографических описаний, серьезных обобщений по отдельным вопросам марийской диалектологии.

Наиболее полное освещение получили, по мнению автора статьи, северо-западное наречие (И. С. Галкин, Л. П. Грузов, И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров), йошкар-олинский (Д. Е. Казанцев), волжский (Г. И. Лаврентьев), сардаляльско-арборский (Л. П. Грузов), малмыжский (З. В. Учаев), елабужский, мензелинский, прибельский (Н. И. Исанбаев) диалекты. А. А. Саватковой подготовлена монография по горному наречию, Е. И. Коведяевой — по кунгурскому говору восточного наречия. Готовятся монография по красноуфимскому говору (А. Н. Куклин), по марийским говорам Башкирии (Н. И. Исанбаев).

Марийские диалектологи начиная с 1976 года участвуют в работе по составлению Лингвистического атласа Европы. Это несомненно поможет им приобрести

опыт ведения диалектологических исследований методом лингвистической географии и выявить некоторые интересные, ранее не известные факты междиалектных и межъязыковых связей, необходимые для решения генетических вопросов и для типологических исследований.

Ответственные задачи поставлены перед сектором на ближайшее будущее: необходимо подготовить толковый словарь родного языка; продолжить углубленное изучение теоретических вопросов марийского языкознания; изучать местные говоры по специальной программе сектора и по вопросам Лингвистического атласа Европы; вести сбор топонимических и ономазиологических материалов и на их основе подготовить серию научных исследований и словарей.

И. С. Галкин продолжает исследование отдельных сторон северо-западного наречия марийского языка. В статье «Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения» (с. 31—43) в сравнительном плане с другими финно-угорскими языками он выясняет причины появления отличительных черт в гармонии гласных названных наречий.

В финно-угорском гармония базировалась не только на простом противопоставлении гласных по качеству, т. е. по заднерядности и переднерядности, но также и на ударности гласного. В горном и северо-западном наречиях марийского языка хорошо сохранились следы финно-угорского праязыка в отношении гармонии гласных, где уподобляющим гласным является ударный гласный первого слога (он в данных наречиях ударный). Сохранение этих следов наблюдается только в двусложных словах. В многосложных же гармония гласных нарушается под воздействием ударного гласного предпоследнего слога: *кандёнй* 'принесем', *шукёрды* 'давно', *лапэмдйш* 'понизить'. Перемещение основного словесного ударения с первого слога на предпоследний произошло под влиянием тюркских языков.

В. И. Вершинин в «Этюдах по фонетике елабужского говора» (с. 43—58) рассматривает фонетические особенности

говора в сравнении с марийским литературным языком. Так, в древний период марийскому языку не были свойственны долгие согласные. В говорах они часто заменяются консонантными сочетаниями: лит. *нылле* — морк. *нылле*, серн. *нылде*, волж. *нирле* 'сорок', в елабужском говоре наряду с *ниллыр* 'сорок копеек' можно услышать *нилдыр*. Русские слова с такими согласными произносятся с сокращением долготы: *апарат*, *амиак*, *атестат*, *територий* и т. д. В некоторых чувашских заимствованиях долгие согласные представлены гораздо шире, чем в литературном языке: *палаш* — *палаш* 'знать, узнать', *аза* — *азза* 'младенец', *пале* — *палле* 'метка'. Здесь сохранилась именно чувашская гемината.

Консонантные сочетания *шс*, *жс* в данном говоре часто переходят в долгий *с*: *имашсе* (лит. *ймаше*, *ймашсе*) > *имассе* 'прошлогодний', *ожсо* (*ожнысо*) > *оссо* 'давний, стародавний'. Наблюдаются и другие фонетические изменения: появление геминированных согласных в результате выпадения гласного между одинаковыми согласными (*варарак* > *варрак* 'попозже'), выпадение гласных между согласными (*Васили* > *Васли*, *кечышудо* > *кечыудо* 'подсолнух'), выпадение согласных (*кавун* > *каун* 'тыква').

Автор полагает, что отпадение конечного гласного в марийском языке могло происходить и в древний период, но исчезновение гласных между согласными в середине слова, а тем более в начале — явление, возникшее сравнительно поздно, с исчезновением палатальной гармонии. Влияние русского языка способствовало выпадению гласных, а влияние татарского языка препятствовало этому процессу.

Фонетические особенности шорунжинского говора лугового наречия освещаются в статье А. С. Ефремова «Некоторые наблюдения над фонетикой шорунжинского говора» (с. 58—70). В качестве приложения к статье автор дает образцы речи шорунжинских марийцев.

Граница изучаемого говора проходит в 5 км от Татарской АССР. В селе Шорунжа (Моркинский район) проживает только марийское население (около 900 чел.). Жители издавна соприкасаются с татарами, живут с ними в тесном контакте. Влияние татарского языка носит интенсивный характер. Этим и можно

объяснить имеющиеся отличительные черты в области фонетики: нелабиализованный гласный переднего ряда нижнего подъема *ä* (*түкйән* — лит. *tūkan* 'рогатый', *шөрәй* — *шөрға* 'петля'); фонема *и* вместо литературного ударного *э* (*уки* — *укэ* 'нет', *кузи* — *кузе* 'как', *ургим* — *ургэм* 'шью'). Для говора характерно явление, напоминающее лабиальную гармонию: за огубленными *ö*, *ü* в послелого *дэк* выступает *ö*: *пöрт төк* 'к дому', *мöрдөк* 'за ягодами'.

В области консонантизма наблюдаются следующие отличия: в начале слова вообще не встречается фонема *й*, вместо нее употребляется *đ* (*đйт* 'ночь', *đбра* 'ладно'). В начале слова не может быть и губно-губная фонема *в*, а выступает билабиальная смычная *б* (*бургим* — *вургем* 'одежда', *бучаш* — *вучаш* 'ждать'). В говоре не может быть финальных сочетаний *ки*, *пи* (*у-гыш* — *уки* 'сук', *могыш* — *моки* 'печень').

В статье З. Г. Зоринной «Длительность гласных горного диалекта марийского языка» (с. 71—100) излагаются результаты экспериментального исследования длительности гласных указанного диалекта. Установлено, что средняя длительность звука в слове зависит от количества звуков в нем: чем больше звуков, тем меньше средняя длительность каждого. Длительность гласных зависит также и от окружающих согласных.

Немалую научную ценность представляют статьи А. Н. Куклина «Глухие щелевые согласные красноуфимского говора» (с. 100—122), «Звонкие щелевые согласные красноуфимского говора» (с. 123—132), в которых довольно подробно освещены особенности произношения щелевых согласных фонем марийцами, проживающими в основном на территории Красноуфимского, Артинского районов Свердловской области. Щелевые согласные *с*, *с̣*, *ш*, *ф*, *х*, *з*, *з̣*, *ж* могут занимать в слове различные релевантные позиции: начало, середину, конец. Автор тщательно анализирует отличительные черты перечисленных согласных фонем в различных позициях и в различных звуковых окружениях. Глубокие теоретические выводы автора интересны для специалистов как по родственным, так и по неродственным языкам.

Исследованию марийских орнитонимов, ихтионимов, фитонимов посвящены статьи В. Н. Васильева, А. С. Ефремова и М. М. Калямшина.

В статье Ф. И. Гордеева «Подражательные слова и этимология» (с. 138—147) дан анализ подражательных слов, встречающихся в финно-угорских, тюркских и других языках: *выжж-жж* — подражание легкому шуму ветра, *кыштыр-коштыр* — звукоподражание шелесту, шороху и т. д. Данный лексический пласт языка генетически восходит к самым различным источникам: собственно марийского образования (*ани* — *пунни*), имеющие те или иные лексические соответствия в родственных языках (*а-а-а*, *о-о-о*, *е-е-е* — припев колыбельной песни), заимствования из языков соседних народов (*выл-выл*, *ай* — *кай* — *лок* и т. д.).

Сборник завершает статья Г. И. Лав-

рентьева «О некоторых морфонологических явлениях в марийском языке» (с. 164—187). В ней рассматриваются прежде всего формальные закономерности и средства соединения морфем в слове. Сочетаемость фонем в морфологическом узле марийского слова определяется прежде всего их фонетической позицией, а также морфемным окружением. Поэтому присоединение словообразовательных, формообразующих и словоизменяющих аффиксальных морфем нередко приводит к определенным морфологическим преобразованиям — усечению основ или аффиксов, наложению морфем, вставке (наращению) асемантических согласных или сочетаний гласных с согласными между стыкующимися морфемами, чередованию фонем на морфемном шве.

Л. А. ПЕТУХОВА (Йошкар-Ола)

В. К. Кельмаков, *Образцы удмуртской речи. Северное наречие и средние говоры*, Издательство «Удмуртия», Ижевск 1981. 300 С.

Folklore- und Sprachbeispiele von finnisch-ugrischen Völkern haben schon seit dem vergangenen Jahrhundert zwei Zielen gedient. Mit Übersetzungen versehen war deren Inhalt vor allem für Folkloristen (teilweise auch für Ethnographen) gedacht, jedoch der Form, d. h. der Sprache selbst, wandten sich Linguisten in ihren Forschungen zu. Ebenso verhält es sich auch mit der vorliegenden Ausgabe, die vom Leiter des Lehrstuhls für die udmurtische Sprache der Universität in Iževsk, Dozent V. Kel'makov, zusammengestellt wurde. Die den Folklorebeispielen hinzugefügten Übersetzungen haben den linguistischen Aspekt in den Vordergrund rücken lassen. Deshalb erfolgt die Darbietung der Thematik auf der Grundlage der dialektologischen Aufgliederung und allgemein nach geographischen Prinzipien (Rayone, Dörfer).

Die Publizierung von udmurtischen Folklore- und Sprachbeispielen hat eine über hundertjährige Tradition. Den Anfang der Dialektologie datiert man mit der 1858 von F. J. Wiedemann verfaßten und von der Petersburger Akademie veröffentlichten

Abhandlung «Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache».

V. Kel'makov zufolge unterteilt sich die Geschichte der udmurtischen Dialektologie in die drei folgenden Etappen: 1) 1858—1928, 2) 1929—1954, 3) ab 1955. Das Vorwort des Buches bringt einen Überblick darüber, was in den jeweiligen Etappen zur Folklore und Dialektologie sowohl innerhalb als auch außerhalb der Landesgrenzen veröffentlicht wurde.

Aus verschiedenen Dialekten stammen die ersten transkribiert festgehaltenen Folkloretexte «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии», die B. Gavrilov 1880 publizierte. Dem folgt 1881 als Fortsetzung «Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамалышского уезда, Урян-Учинского прихода». 1886 gibt der finnische Sprachwissenschaftler T. Aminoff einige dutzend Seiten zu Sprachbeispielen heraus. Im Zeitraum 1887—1890 erscheinen mehrere Abhandlungen zur udmurtischen Folklore des Ungarn B. Munkácsi. Am Ende des vergangenen Jahrhunderts schließt sich den genannten Publikationen noch Y.